

*Винокуров В.А.
(Россия, Москва)*

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИУМА

Богатая история анализа текста в XIX-XX вв., по большому счету, сводилась к осознанному или неосознанному стремлению выйти за пределы лежащего на поверхности содержания. Литературоведение, лингвистический анализ текста, герменевтика, теория знаковых систем – все это по-своему сложные, но не достигшие желаемого результата пути к тому, чтобы увидеть за написанным на листе бумаги текстом ту действительность, которая вызвала этот текст к жизни.

В результате длительной эволюции идей, связанных с осознанием природы текста, наука пришла к выводу о том, что его реальное содержание значительно шире номинированного, т.е. того содержания, которое имел в виду автор. Таким образом, текст в его расширительном понимании стал восприниматься как некая совокупность разноплановых процессов, имплицитно и эксплицитно прочитываемых на листе. Соответственно, стали возникать новые термины и терминологические системы. Наиболее устоявшимся и емким термином в этом случае можно считать «контекст», образующий череду других близких терминов: «культурный контекст», «исторический контекст» и т.п. Если расшифровать и адаптировать термин «контекст» к русскому языку, то получится следующее значение: события (или явления), близкие к данному контексту; в другом варианте – события, повлиявшие на сложение текста. Иными словами, в термине «контекст» можно наблюдать первые научные поиски смысла текста за пределами самого текста.

Однако исследования различного рода контекстов не совсем проясняли собственно механизм текстообразования. Поэтому поиски были продолжены в аспекте расширения тематики исследований без отрыва от самого текста, что сформировало новое направление анализа – дискурсивные исследования.

Наиболее употребительное значение термина «дискурс» – разговорная практика, речь, использование языка. Сначала в англоязычной литературе термин выступал в значении «речевая деятельность» или «коммуникативная деятельность». Особенно явственно такое терминопотребление прослеживалось в противопоставлении изолированного предложения предложению внутри связного текста.

Существует даже мнение, что «введение понятия дискурса было реакцией на теорию автономного синтаксиса в генеративной грамматике, а потому было связано прежде всего с отказом изучать семантику синтаксиса на материале изолированных предложений» [9]. Основная черта дискурсивных исследований до сих пор заключается в убежденности в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к дискурсу.

Семантика дискурсивных исследований была существенно расширена в связи с попытками американских лингвистов выстроить формальную «грамматику текста» [9] и с возникновением теории репрезентаций дискурса [8]. В последнем случае основное внимание уделялось семантике предложений, анализируемой по отношению к формальным структурам дискурса. Однако можно заметить, что все существенные и яркие направления в лингвистике текста всегда развивались по спирали, исходя сначала

из стремления выйти за рамки традиционного лингвоанализа текста и затем вновь возвращаясь к нему. В означенном направлении круг замкнула Дебора Шиффрин, отметив, что, наряду с формальными и функциональными подходами к дискурсу, возможен и подход, при котором изучается взаимодействие формы и функции, притом анализ может быть отнесен к цепочке связанных между собой высказываний [15]. При этом любой лингвист скажет, что именно с помощью такой цепочки чаще всего и определяют текст. Иными словами, вновь возник вопрос о соотношении понятий дискурса и текста, вопрос о предельных для выбранного уровня рассмотрения единицах, из которых складывается текст, в отличие от дискурса.

Приведенный пример «спирали», «замкнутого круга» типичен для развития лингвотекстологических направлений, причина чего часто лежит в отсутствии унифицированной терминологии. В той или иной степени каждый автор придерживается удобной для него терминологической системы. Многие западные исследователи откровенно отвергли и способ рассуждений, и терминологическую систему Т. ван Дейка, использованную им в изучении текста [13]. В России работы Т. ван Дейка были признаны классическими, причем без каких-либо оговорок. Однако это не помогло российским исследователям сколько-нибудь продвинуться в изучении текста как сущности, комплексно объемлющей социокультурные процессы. Ван Дейк был здесь понят несколько однобоко.

Дело в том, что, отражая идеи 80-х годов, выдвинутые в связи с рассмотрением закономерностей функционирования языка в обществе, концепция ван Дейка выстраивалась не только с учетом грамматики текста и прагматики дискурса, но и с более полным вовлечением в анализ таких социальных факторов, как мнения и установки говорящих, их принадлежность к той или иной социальной страте, к тому или иному этносу как составной части западного демократического полиэтнического общества [7]. Активизировавшийся же в конце 80-х годов процесс распада СССР, выступления многочисленных народов за образование национальных государств, возрождение собственной культуры, передел границ на целое десятилетие расставили главные акценты лингвистики текста в России. До конца 90-х годов изучение «культурного контекста» сводилось здесь, главным образом, к этнологическим и этнографическим исследованиям, подменявшим изучение культуры социума. В связи с преодолением российским обществом культурного шока 90-х интерес с этнологической проблематике заметно снизился, лингвистика текста стала входить в традиционное русло, язык текста стал рассматриваться в связи с так называемой лингвокультурной ситуацией, в рамках которой этот текст был создан [12].

Однако, несмотря на всю разность в подходах к изучению «культурной составляющей» текста, и российские, и западные исследования отличает схожесть в методологии отбора «культурного материала» для дальнейшего анализа. В западных исследованиях – это прежде всего реалии социального бытия. В российских – сферы искусства и ушедшего навсегда исторического и фольклорно-этнографического быта того или иного народа.

На фоне того и другого понимания присутствующей в тексте культуры социума, этноса теряется собственно то, что формирует мировоззрение современного человека.

Имеются в виду прежде всего достижения технической мысли, математики, биологии, химии, медицины.

Если на способы интерпретации текста учение Чарльза Дарвина или полеты в космос оказали весьма отдаленное влияние, то некоторые положения ряда наук явились базисными для сложения методологии современной лингвистики текста. Так, существенное значение в данном случае имеет теорема К. Геделя о неполноте дедуктивных систем, из которой следует, что любое описание любого явления значительно беднее этого явления [14]. Развивая идеи Геделя, Н. Бор в своей квантовой механике сформулировал принцип описания явлений действительности, по которому явление должно рассматриваться с точки зрения разных систем, т.е. разных наук [2]. Свое открытие Н. Бор назвал принципом дополнительности, имея в виду то, что взгляды разных наук на одно и то же явление дополняют друг друга и создают более или менее полную картину описания этого явления.

Обладая должным уровнем компетенции, мы можем взять какой-либо предмет и описать его, например, с позиций лингвистики, изобразительного искусства, социологии, математики, физики. В итоге получим разнородный материал, который, тем не менее, приведет нас к достаточно глубоким выводам.

Реализация подобной методологии не представляет из себя невыполнимую задачу, но только в том случае, когда мы имеем дело с относительно простым предметом. Описание не отраженного в тексте социального явления многое усложняет в силу разнородности и многомерности последнего. Из теории соотношения неопределенностей В. Гейзенберга вытекает, что описание с разных позиций нескольких взаимозависимых объектов всегда будет неточным [5; 6]. В. Гейзенберг доказал данный тезис на материале результатов измерения координат и импульсов элементарных частиц. В этом смысле представляется проблематичной достоверность выводов любого лингвокультурологического исследования социума на материале текста, если даже такое исследование будет основано на безупречном использовании методов анализа самых развитых наук.

Сказанное, однако, не означает, что освоение междисциплинарной сферы исследования лингвистикой изначально бесперспективно. Напротив, данный путь представляется единственно возможным в познании закономерностей развития современной культуры социума. Важно осознать, что не должно происходить абсолютного «разведения» объектов исследования. Изучаемый текст, культура, знаковые и грамматические системы, с одной стороны, и общество, мегаполис, природа, человеческое тело, с другой стороны, представляют собой одни и те же мегаобъекты, только рассматриваемые с разных позиций.

В этом случае текст будет представлять собой содержащиеся в объектах физической и социальной действительности системы знаков, транслирующие информацию от одного представителя социума к другому и поэтому не существующие вне социума. В то же время действительность мыслится членами социума как относительно автономная сущность, могущая существовать в полном отрыве от социума. Но это уже будет действительность внесоциального порядка, действительность без участия людей.

Как это ни парадоксально, исходя из традиционных для лингвистики текста взглядов, единство языка и культуры, культуры и текста проще представить в их «разведении», чем в их объединении. В свою очередь, механизмы «переключения» с лингвистического исследования текста на исследование культуры на самом деле имеют глубокие основания.

Общепризнано, что стандартное предложение на естественном языке является эквивалентом любого текста. Центром предложения естественного языка служит предикативное ядро, т.е. явно или неявно выраженный глагол, базовой категорией которого является грамматическая категория времени, или темпоральности. «Время глагола имеет указательно-рефлективное значение» [11, с. 524]. Высказывание так или иначе представляет собой высказывание о прошлом, настоящем или будущем. Известно также, что время выступает как универсальная характеристика и физической действительности, и знаковой системы. Вместе с тем время физической действительности значительно отличается от семиотического времени, времени текста и времени культуры.

Характерной чертой физического времени служит его необратимое движение в одну сторону, т.е. анизотропность [3]. В естественнонаучной картине мира устоявшейся является интерпретация временной необратимости через второй закон термодинамики, согласно которому необратимость времени в замкнутых системах может только нарастать [1]. В то же самое время из теории основателя кибернетики Н. Винера следует, что необратимость времени и информация равны по абсолютной величине, но противоположны по направлению, т.е. с увеличением необратимости времени уменьшается информация [4].

В свою очередь, текст представляет собой некую знаковую систему, передающую информацию и тем самым исчерпывающую необратимость времени. Следовательно, поскольку любой объект физической и социальной действительности изменяется во времени в сторону необратимости последнего, а текст эту необратимость исчерпывает, то можно считать, что текст движется во времени в противоположном направлении, чем природа и общество. Все это и служит некоторой причиной отдельного рассмотрения лингвистами текста и культуры. Переход с точки зрения действительности на точку зрения текста представляет собой «переключение» с увеличения необратимости времени на увеличение информации.

Предмет как объект физической и социальной действительности изменяется во времени в сторону необратимости, разрушается, исчезает. Предмет как текст развивается в сторону увеличения информативности. Поскольку время текста направлено в противоположную сторону по отношению ко времени физической и социальной действительности, то постулаты Г. Рейнбаха о необратимости физического времени [11, с. 35-39] в информационном времени текста меняются на противоположные.

Проиллюстрируем сказанное на следующем примере: 1-е высказывание: «В сентябре будет отличная погода». 2-е высказывание: «За августом последует сентябрь».

Нет сомнений, что первое высказывание имеет вероятностный характер. Второе несет семантику абсолютной достоверности. Поэтому в тексте возможно встретить время, соотносимое с физической действительностью. При этом речь здесь идет не обязательно об описании событий прошлого, того, что было когда-то.

Значимый по результату текст не умирает в пределах создавшей его культуры. Происходит это, прежде всего потому, что он не равен своей материальной сущности. В определенном смысле знак разделяет судьбу со своим денотатом. С другой же стороны, любой культурно значимый текст исчезает как предмет конкретной культуры, но сохраняется как предмет культурного поклонения.

Соотношение явлений социальной, физической действительности и явлений текста входят в сложное взаимодействие не только в параметре времени. Фактически любая вскрытая в лингвистической текстологии проблема имеет свой ненадуманый выход в природу и общество. Выявление глубинной изоморфии этих сущностей позволит исследователям текста избавиться от дифференциации текста и контекста, языка и культуры, поможет выйти из «спирали», по которой уже давно развивается лингвистика текста, когда рассмотрение «культурной составляющей» текста и его языка служат взаимным тормозом и уводят исследователей либо в лингвистику, либо в культурологию, либо в несмешивающийся, видимый их симбиоз.

Первым методологическим шагом на этом пути может стать отказ от представления явлений языка в терминах культурологии, и наоборот – от представлений культуры в терминологии лингвистики. Не стоит забывать о том, что науки существуют для описания мира: физического, биологического, социального, духовного. Каждая из наук в своем описании отличается неполнотой, что проявляется прежде всего в дифференциации наук. В свою очередь, попытки объединить культурологию и лингвистику, с целью познания текста, рожденного в социуме, представляют собой не более оправданный шаг, чем объединение с той же целью лингвистики и физики. Разница, однако, здесь может состоять в том, что физика по сравнению с культурологией развита в большей степени, содержит в себе больше незыблемых законов, а поэтому отличается несравнимой с культурологией степенью полноты описания явлений действительности.

Здесь возможно задать вопрос о том, что же тогда должна изучать лингвистика текста и лингвокультурология? Ответ очевиден – общие явления языка и культуры, но культуры в широком социальном смысле, проистекающем из действительного мировоззрения современного социума, который в своем основании технократичен, прагматичен и нацелен на анализ достижений научно-технической и экономической мысли в большей степени, чем проблем религии и живописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Больцман Л. Лекции по теории газов.– М., 1956.– С.524.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание.– М., 1961.
3. Вернадский В.И. Размышления натуралиста: Пространство и время в неживой и живой природе.– М., 1975.– С.132.
4. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине.– М., 1968.– С. 85.
5. Гейзенберг В. Физика и философия.– М., 1963.
6. Гейзенберг В. Шаги за горизонт.– М., 1987.
7. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация.– М., 1989.
8. Изворска Р. Формальная семантика // Фундаментальные направления современной американской лингвистики.– М., 1997.– С.207-230.
9. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики.– М., 1997.– С.307.

10. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность.* – М., 2000. – С.10.
11. Рейнбах Г. *Направление времени.* – М., 1962. – С.524.
12. Шаклеин В.М. *Лингвокультурная ситуация и исследование текста.* – М., 1997.
13. Brown G., Yule G. *Discourse analysis.* – Cambridge, 1983.
14. Gödel K. *Über formal unentscheidbare Satze der Principia Mathematick und verwandter Systeme I* // *Monatschrift für Mathematik und Physik.* – 1931. – S. – 38.
15. Schiffrin D. *Approaches to discourse.* – Oxford, 1994. – XI.

Поступило в редакцию 5.03.2002 г.

Шаклеин В.М.

(Россия, Москва)

РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Характерной особенностью современного открытого и динамично развивающегося общества является постепенный переход от состояния преимущественной моноэтничности к полиэтничности. Крупные мегаполисы и даже регионы с относительно высоким уровнем жизни и низкой безработицей служат привлекательным местом для людей, в силу исторических обстоятельств оказавшихся в трудных экономических условиях, а порой – в зонах военных действий или повышенной опасности. Вследствие миграционных волн конца XX-начала XXI века, регионы с традиционно русским населением постепенно превращаются в регионы полиэтничные. Особенно явно данный процесс проявляется в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, в Крыму, где к сегодняшнему дню успели сложиться многочисленные и устойчивые диаспоры неславянских народов: чеченцев, армян, дагестанцев, крымских татар, турок-месхетинцев, азербайджанцев, грузин. Кроме того, в Москве уже сейчас намечилось сложение новых диаспор: китайской, вьетнамской, афганской, курдской, таджикской. При этом их представители, занимаясь особо доходными видами экономической деятельности, становятся собственниками торговых павильонов, рынков, жилого фонда, крупных земельных участков. Русские, традиционно занимая иные экономические ниши, в основной своей массе отличаются более низкими, по сравнению с мигрантами, доходами, что является главным основанием для восприятия последних (мигрантов) как потенциальной угрозы для всего русского общества. Особым видом раздражителя в этом случае выступает инокультурность мигрантов, плохое владение русским языком, тяга к использованию в общении родного языка, стремление придать родному языку какой-либо узаконенный статус.

Ныне можно констатировать, что в результате миграционного притока этносов с восточной культурной составляющей некоторые российские регионы с преимущественно русским населением введены в состояние культурного шока, испытывают острейший кризис межкультурной коммуникации. Вместе с тем в отечественной научной литературе последних лет данное состояние оценивается как